

## КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

## РЕЦЕНЗИИ

**Maximi Confessoris Ambigua ad Iohannem, iuxta Iohannis Scotti Eriugenaе latinam interpretationem / Nunc primum edidit E. Jeaneau // Corpus Christianorum. Series Graeca. Brepols-Turnhout: Leuven University Press, 1988. Vol. 18 LXXXIII—325 p.**

Уже в первой рецензии на греческую серию «Корпуса христианских авторов» отмечалось (см.: ВВ. 1988. Т. 49. С. 211), что мирозерцание Максима Исповедника наиболее полно отразилось в двух его основных произведениях — «Вопросоответах к Фалассию» и *Ambigua*. Как указывает издатель рецензируемого тома Э. Жоно (известный знаток творчества Иоанна Скота Эриугены), название последнего произведения было впервые введено Эриугеной, переведшим так греческий термин *ἀπορον*. Т. Гале (1636—1702), издавая частично это произведение, назвал его сначала «Схολиями к Григорию Богослову», но в примечаниях, приложенных к своему изданию, он «раскаялся» и возвратился к наименованию *Ambigua*. Ф. Элер, выпустивший в свет в 1857 г. полный текст произведения, сохранил такое наименование, и под ним оно было перепечатано в «Патрологии» Миня, воспроизведшего текст Ф. Элера.

Все эти издатели считали серию *Ambigua* за единое произведение. Однако в новейшее время исследователи пришли к выводу, что под данным названием скрываются два различных сочинения. Первое, *Ambigua ad Iohannem* (PG. T. 91. 1061—1418), написано в 628—630 гг., а второе, *Ambigua ad Thomam* (Ibid. 1031—1060), датируется чуть более поздним сроком (634 г.). Некоторые греческие рукописи содержат каждое из этих произведений отдельно, но в большинстве манускриптов они представлены совокупно, причем в нескольких таких манускриптах имеются *τίνακες*, четко разделяющие одну серию *Ambigua* от другой. Ученые предполагают, что объединение двух сочинений в единый корпус произошло очень рано, возможно еще при жизни Максима Исповедника. Что касается Эриугены, то, по всей видимости, он был знаком лишь с одним из этих сочинений, не подозревая о существовании *Ambigua ad Thomam* (с. IX—XIII).

Далее Э. Жоно переходит к описанию рукописей (с. XIV—L). Их сохранилось

всего четыре: два манускрипта конца IX в. и две позднейшие копии; издатель прослеживает, насколько это возможно, историю каждой рукописи. Кратко останавливается французский ученый и на неопубликованной работе своего предшественника Р. Фламбара, хранящейся в Национальном Архиве в Париже. Р. Фламбар подготовил к изданию перевод *Ambigua ad Iohannem* Эриугены, но начавшаяся война и преждевременная смерть (Р. Фламбар погиб во время бомбардировки Орлеана в 1944 г.) прервали его работу (с. LI—LIII). Отмечаются также и издания некоторых фрагментов перевода Эриугены. Переходя к генеалогии рукописей, Э. Жоно констатирует, что они восходят к манускрипту М (Paris, Bibliothèque Mazarine 561). В самом этом манускрипте наблюдаются многочисленные исправления, т. е., несмотря на свою древность, он не представляет изначального перевода Эриугены. Под некоторыми такими подчищенными и исправленными местами различается оригинальный текст, чтение которого приводится в критическом аппарате издания; иногда здесь же указывается и чтение греческого текста по изданию Ф. Элера. В ряде случаев расхождения между данным изданием и греческим текстом, которым располагал Эриугена, весьма существенны, и Э. Жоно приводит несколько примеров подобных расхождений (*ὄρετοις—ὄρατοις*, *τόπον—τρόπον* и т. д.). Много труда приложил издатель перевода Эриугены для того, чтобы отождествить источники данного сочинения: им указываются не только эксплицитные, но и имплицитные цитаты, а также приводятся *loci paralleli*. Помимо выдержек из св. Писания, Максим Исповедник особенно часто цитирует Немесия Эмесского — факт, подчеркиваемый Э. Жоно (с. LIV—LXX).

Эриугеновская версия *Ambigua* содержит ряд маргинальных заметок, различных по своему характеру: лексикографических, объяснительных и т. д.; неко-

торые из них представляют собой подлинные глоссы, развивающие вероучительные темы, лишь намеченные Максимом Исповедником. Основная масса этих маргиналий, как полагает Э. Жоно, является переводом схолий, имеющих в греческом оригинале Эриугены, хотя в дошедшей до нас греческой рукописной традиции многие из них не сохранились (Эриугена имел перед глазами более полный текст *Ambigua*, чем известные нам греческие манускрипты). Затем издатель указывает, что, кроме перевода Эриугены, известен еще только один латинский перевод excerpts из *Ambigua ad Iohannem* (под названием *Auctoritates sancti Maximi*), отразившийся в 8 рукописях XIV—XV вв. Э. Жоно присоединяется к гипотезе Ж. Грибомона, предполагавшего, что автором данного перевода был францисканец Анжелло да Киарино (умер в 1337 г.). В заключение предисловия Э. Жоно посвящает несколько теплых строк памяти преждевременно скончавшегося фламандского ученого Р. Браке (1943—1984 гг.) — своего коллеги, который должен был подготовить к изданию греческий текст *Ambigua*. С грустью он констатирует, что Р. Браке был третьим исследователем (после известного доминиканца Ф. Комбефи и Р. Фламбара), начинавшим такое предприятие и по причине смерти не закончившим его, — словно некий фатум тяготеет над этим произведением Максима Исповедника (с. LXX—LXXV). Если вспомнить еще судьбу русского ученого С. Л. Епифановича, начавшего, но так и не закончившего перевод творений этого отца церкви, то, действительно, причин для грусти вполне достаточно. Тем не менее выход в свет рецензируемого тома вселяет надежду на то, что критическое издание основных трудов Максима Исповедника, планирующееся в греческой серии *Corpus Christianorum*, все же завершится.

Сам перевод Эриугены предваряется его посвящением Карлу Лысому. Здесь он останавливается на роли Максима Исповедника, яснейшим образом истолковавшего труднейшие положения богословия Дионисия Ареопагита. Среди этих положений Эриугена называет следующие: каков образ «Причина всяческих», т. е. Бог, есть единая, простая и множественная; каково «исхождение, т. е. приумножение (*processio, id est multiplicatio*) Божественной Благости», осуществляющейся сверху вниз, через общую для всех сущность, затем через наиглавнейшие роды, и т. д. (*per genera generaliora, per species specialiores etc.*), а также каково Ее возвращение, «т. е. рекапитуляция» (*reversio, id est congregatio*), к наипростейшему «Единству всяческих»; каково апофатическое и катафатическое богословие, как они соотносятся друг с другом, и т. п. Данное по-

священие весьма важно как для понимания мирозерцания Эриугены, так и для адекватного восприятия процесса усвоения греческого богословско-философского наследия христианами Запада. За посвящением следует оглавление, где Эриугена суммирует содержание труда Максима Исповедника, а затем — *Capitula*, также посвященные Карлу Лысому (первые десять строк составляют акростих: *Carolus Rex*). После перевода идет текст маргиналий, и завершается издание пятью индексами.

Из всего вышеизложенного с очевидностью вытекает, что новым том греческой серии «*Corpus christianicum auctorum*» вызовет интерес не только у византиноведов, но и у специалистов по истории средневековой западной культуры. Следует отметить, что после замечательной книги А. Бриллиантова творчество Эриугены долгое время обходилось почти гробовым молчанием в нашей историографии. Лишь в последнее время намечались попытки его нарушить<sup>1</sup>, правда еще очень робкие. Вместе с тем в истории богословской и философской мысли латинского Запада в период между V и XII вв. Эриугена — самая значительная фигура. Его иногда считают «самым глубоким представителем неоплатоновского движения в западной христианской философии»<sup>2</sup>, но к подобного рода оценкам следует относиться с изрядной долей скептицизма. Как это верно заметил Ж. Мадек, Эриугена практически не был знаком ни с диалогами Платона, ни с неоплатонической литературой (за исключением латинского перевода «Тимея» и комментария Калкидия); его учителями были отцы церкви<sup>3</sup>. Из них преимущественное влияние на Эриугену оказали Дионисий Ареопагит, Максим Исповедник, Григорий Нисский и Августин<sup>4</sup>. О «неоплатонизме» или «платонизме» последних трех мыслителей можно говорить лишь с весьма и весьма большими натяжками, поэтому каналом предполагаемого влияния неоплатонизма

<sup>1</sup> Лозовская Н. М. Раннесредневековое знание о природе: (Диалог И. С. Эриугены «О природах»). М., 1988; Антонова Е. В. Проблема свободы в философии Эриугены // Проблемы истории домарксистской философии: (Средневековый способ философствования). М., 1985. С. 16—35.

<sup>2</sup> Соколов В. В. Средневековая философия. М., 1979. С. 111.

<sup>3</sup> Madec G. L'augustinisme de Jean Scot dans le «De praedestinatione» // Jean Scot Érigène et l'histoire de la philosophie. P., 1977. P. 184—185.

<sup>4</sup> Бриллиантов А. Влияние восточного богословия на западное в произведениях Иоанна Скота Эриугены. СПб., 1898. С. 50—75.

на Эриугену мог быть только автор «Ареопагитик». Однако и его зависимость от неоплатоников «ограничивается внешним сходством, не доходящим до глубин его учения, и объясняется терминологией, свойственной данной эпохе»<sup>5</sup>. Исходя из этих соображений, Эриугену более целесообразно рассматривать как завершающее звено в развитии западной патристической мысли. Недаром в последнее время исследователи подчеркивают многообразные связи мирозерцания Эриугены с богословием Августина<sup>6</sup>.

Но уникальность Эриугены прежде всего состоит в том, что в своем мировоз-

<sup>5</sup> Лосский В. Н. Очерк мистического богословия восточной Церкви // Богослов. тр. 1972. Сб. VIII. С. 21.

<sup>6</sup> Помимо указанной работы Ж. Мадека, см., например, несколько статей, посвященных этой проблеме в сб.: *Eriugena: Studien zu seinen Quellen* // *Vorträge des III: Intern. Eriugena-Colloquiums. Freiburg im Breisgas, 27—30 August 1979* / Hrsg. W. Beierwaltes. Heidelberg, 1980. S. 55—116.

Podskalsky G. Christentum und theologische Literatur in der Kiever Rus' (988—1237). München: C. H. Beck'sche Verlagsbuchhandlung, 1982. XIV+361 S.

Среди исследований, посвященных Крещению Руси и опубликованных в преддверии 1000-летия этого знаменательного события, бесспорно, одно из самых видных мест займет фундаментальный труд западнонемецкого католического иеромонаха отца Герхарда Подскальски «Христианство и богословская литература в Киевской Руси (988—1237)». Ее автор является одним из самых крупных современных ученых, обращающихся в своих работах к церковно-историческим проблемам православия. Он профессор древней церковной истории, византийского и славянского богословия в Высшей философско-теологической школе св. Георгия (Франкфурт-на-Майне) и, кроме того, осуществляет чтение лекций как профессор Папского Восточного института (Рим). Научные исследования отца Г. Подскальски, и особенно книга «Богословие и философия в Византии» (Мюнхен, 1977), принесли ему заслуженную известность в церковном и научном мире.

В предисловии к рассматриваемой книге проф. Л. Мюллер (Тюбинген), известный славист, справедливо замечает, что этот труд один из самых значительных по данной проблематике со времени появления книги проф. Георгия Флоровского «Пути русского богословия» (Париж, 1937). Сам автор в вводной главе монографии поместил сжатый обзор литературы общего характера, зна-комящий с итогами и состоянием изуче-

нении он органично сочетал традиции и западной, и греческой патристики. В его лице как бы проявляется и четко оформляется глубинное единство обеих частей христианского мира, которое, несмотря на все схизмы и тенденции к обособлению, было еще живо в IX в. Многолетняя переводческая деятельность Эриугены способствовала укреплению внутренних связей между византийской и западной церквами. В частности, перевод *Ambigua* имел большое значение — по суждению Э. Жоно, он вводил латинян в духовный мир восточного монашества, снабжал их флорилегием патристических цитат, обогащал их философскую терминологию и приоткрывал дверь некоторым аристотелевским темам<sup>7</sup>. Поэтому выход в свет критического издания этого перевода позволяет нам более полно представить картину духовных и культурных связей Византии с Западом.

А. И. Сидоров

<sup>7</sup> *Jeauneau E. La traduction érégénienne des Ambigua de Maxime le Confesseur: Thomas Gale (1636—1702) et le Codex Remensis* // *Jean Scot Erigène. . . P. 135.*

ния материала, легшего в основу книги. Следует особо подчеркнуть, что обзор отличается объективностью и редкой полнотой.

Структура исследования выделяется четкостью, и поэтому читателю легко ориентироваться в столь многоплановой книге, с вниманием к различным деталям. Всего в книге три главы, из которых две состоят из многочисленных разделов, а последняя имеет характер заключения. В приложениях помещены статья А. Поппэ (Варшава) «Митрополиты и князья Киевской Руси», а также перечни византийских императоров, константинопольских патриархов и римских пап (до 1281 г.). В библиографических дополнениях учтены работы, не вошедшие в подстрочные примечания либо выпавшие после окончания работы автора над книгой. Именной и предметный указатели, которым предшествуют биографические справки о некоторых русских князьях, позволяют использовать труд Г. Подскальски как ценное справочное издание, особенно учитывая его универсальность в отношении всей истории христианства на Руси в домонгольский период.

Глава, озаглавленная «Русская церковь: Возникновение, организация, духовная жизнь», посвящена собственно церковно-историческим вопросам. Естественно, что речь идет прежде всего о начале христианизации Руси, связываемой преданием с именем апостола Анд-